

Дан Берг

Мир деяний

(Формальное подражание Платону)

Встреча друзей

На исходе субботы в доме раби Якова, хасидского цадика украинского города Божина, собрались его близкие друзья. Известность раби Якова столь широка, что нет необходимости представлять сего великого сочинителя и рассказчика сказок. Но о трех его гостях скажем, пожалуй, несколько слов.

Кто эти значительные люди? Раби Меир-Ицхак, друг хозяина дома, цадик соседнего города Доброва, выдумщик замечательных историй и человек острого ума. Шломо, любимый ученик раби Якова, известный своим умеренным вольнодумством, проистекающим из европейского образования, полученного им в недавней пока молодости. И, наконец, Шмулик, юный мечтатель и большой умница, могущий разглядеть блаженные царства на звездах ночного неба.

Заметим, что настоящее собрание у раби Якова – особенное. Всем известно обыкновение божинских хасидов на исходе субботы полным числом бород, ртов и ушей усаживаться за необъятным столом в доме своего любимого цадика, чтобы слушать и рассказывать сказки. На сей раз – не то. Двух дней не минуло с окончания бурного праздника Пурим и, как полагал раби Яков, хасиды не успели вполне оправиться от обильных возлияний, вследствие чего он ожидал у себя только воздержанных к винопитию и, кто знает, возможно поэтому самых мозговитых наперсников.

- Друзья, - произнес раби Яков, - я приветствую в своем доме всех вас, людей достойных в подлинно прекрасной степени!

- По зову достойных приходят достойные! – вернул любезность раби Меир-Ицхак.

- Мы все, как один, почитаем хмельную традицию нашего праздника Пурим, - продолжил хозяин, - и каждый в меру своего рвения следует ей. Но, думается мне, сегодня нам подобает укротить дух славного пристрастия, дабы не фальшивили уста, ибо мы намерены обсуждать предмет тонкий и замысловатый.

- Дерзну возразить тебе, учитель, - вставил слово просвещенный Шломо, - правдив у вина язык, и от питья не обмолвятся уста!

- Ясное дело, дорогой Шломо, в дальних краях, где ты бывал, языки иные и вино другое, и всё не так, как у нас в Божине! – ответил раби Яков.

- Поскорей бы услышать, в какую материю мы намерены вторгнуться: может, ждет нас открытие значимости огромной! – вступил в разговор Шмулик, младший из собравшихся.

- Молодость нетерпелива, хотя не ей, а старости пристало поспешать, ведь мало впереди у нас осталось, не так ли, дружище Яков? – с грустью спросил Меир-Ицхак.

- Увы, ты прав, мой товарищ... А Шмулику замечу, что мы собираемся вторгаться вовсе не в материю, а в нечто бестелесное, чего ни пощупать, ни увидеть, ни услышать никак нельзя, и все же это самое существует, - сказал раби Яков.

- Если я не ошибаюсь, речь пойдет об идеальной реальности, - значительно произнес Шломо.

- Благодарю за помощь! Теперь перехожу к нашему предмету, - интригуяще заявил раби Яков.

Факты и парадигма

Раби Яков окинул взором полководца немногочисленную армию гостей, огладил ладонью серебряную бороду и выжидательно посмотрел на жену свою Голду, которая тотчас поняла бессловесный намек мужа и, без сожаления покинув место у стола мудрецов, уселась в углу горницы и при свете свечи принялась орудовать иглой.

- Друзья, - заговорил хозяин дома, - мы с вами должны обсудить предмет, который назовем деяниями человеческими. Казалось бы, сие есть привычная, общепонятная и обыденная штука, да простится мне неуклюжесть речи, но за кажущейся простотой кроется стройный порядок вещи затейливой и многоликой. Рассуждая и дискутируя, мы, как люди книжные, горазды произвести устами и умами нашими новое знание, полезное и направляющее.

- Все неведомое величественно! Как здорово окунуться в неизвестное, сделать открытие! – загорелся Шмулик.

- Дело-то известное, да взглянуть на него надо по-новому! – поправил юношу раби Меир-Ицхак.

- О, учитель! – воскликнул Шломо, - ты предложил для диспута проблему интереснейшую. Коли совершим прорыв в познании божественных и человеческих субстанций, любые похвалы в наш адрес не покажутся чрезмерными. Я сам много размышлял на тему деяний, и найду уместные слова, дабы сдобрить ими ученую беседу. Уверен, не я один имею что сказать! – заметил Шломо, взглянув на раби Меира-Ицхака и на Шмулика.

- Начну с общеизвестного факта, - продолжил раби Яков, - люди совершают деяния. Скажем, каменщик и плотник строят дом, цадик вдохновляет свою паству, писатель, не будь рядом помянут, сочиняет легкомысленные романы, и так далее, и так далее и так далее. Человек умирает, а деяния не торопятся ему вслед: в доме продолжают жить, хасиды славят покойного цадика, вертопрахи, опять же не будь рядом помянуты, неумемно читают богопротивные книги.

- Другими словами, посредством свершенных прежде деяний мертвые вмешиваются в бытие живых! – добавил раби Меир-Ицхак.

- Но если деяния переживают своих творцов и существуют долго, а то и вечно, то, стало быть, неизбежно им надо где-то обретаться, и, вероятно, им уготовано Всевышним место под солнцем! – воскликнул Шмулик.

- Вопрос о месте физического пребывания деяний неправилен, - значительно возразил Шломо, - природа деяний, о которых мы говорим, идеальна, и для их существования не требуется материального пространства. Дом, благочестивые речи цадика, безнравственная книга – это не сами деяния, а лишь вещественное их явление.

- Я предлагаю объединить всевозможные деяния под именем “мир деяний”! - вставил слово раби Меир-Ицхак.

- Прекрасная мысль! – поддержал раби Яков, - мы разовьем ее, ибо она заслуживает того. Всем нам хорошо известно, что Богом созданы для людей рай и ад – миры вечного пребывания человеческих душ. Пользуясь выражением образованного Шломо, назовем эти миры идеальными. Господь позаботился о нашем бытии после смерти. И вот, я смею предположить реальность еще одного идеального мира, сопровождающего человека, покуда он жив. Это и есть мир деяний!

- Боюсь, мы не открыли ничего нового, - уныло заметил Шмулик, - твой мир деяний, раби Яков, не более, чем обыкновенная память – каждого человека в отдельности и всех людей вместе.

- О, ты ошибаешься, Шмулик! – возразил Шломо, - ведь оба вида памяти, индивидуальная и коллективная, о которых ты говоришь, инертны, тогда как мир деяний активен. В нем кипит внутренняя жизнь, а вовне он влияет на людей, порой стимулирует, порой удерживает. Его инструменты – страх, тщеславие, надежда и многое другое. Память прибегает к помощи мира деяний. Он устроен сложно, и мы это покажем. Я надеюсь, друзья, что слова мои всем понятны, хоть и непривычны в этой комнате.

Целое и его части

Голда сидела в своем углу, вышивала узор. Она не прислушивалась к той чепухе, что звучала меж четырьмя праздными мужчинами. Но время шло, а конец говорению не предвиделся. “Проголодались, наверное!” – подумала она, оставила на минуту рукоделие, принесла оставшуюся с субботы халу, порезала ее. Затем достала из печи горшок с супом, водрузила его на середину стола. Дала каждому умнику по ложке и чашке.

- Чтобы мыслить, надо есть – никуда не денешься! – безапелляционно заявила Голда.

- Верно, но сколько разных мыслей может произвести на свет один и тот же кусок хлеба! – нашелся с ответом раби Меир-Ицхак.

- Ты замечательно сказал, Шломо, об инертности памяти и о двух ее видах – индивидуальной и коллективной. Как всегда, я благодарен тебе за умение облечь сложные вещи в простые слова, - заметил раби Яков любимому ученику, - а теперь, дружок, опиши нам внутреннее устройство мира деяний. Ты ведь много думал об этом, и тебе есть что рассказать нам.

- Действительно, дорогой учитель, я немало размышлял на сию тему и надеюсь не разочаровать наше собрание, - произнес Шломо.

- Переходи-ка к делу, Шломо! – нетерпеливо бросил раби Меир-Ицхак.

- Повинуюсь, раби! Так вот, мир деяний устроен иерархически. Низшая ступень деяний – это деяния личные, а высшая их ступень – супердеяния.

Произнеся это, Шломо с некоторой опаской взглянул на собеседников. Увидев на физиономиях выражение безусловного понимания, он успокоился и продолжил.

- Личные деяния – это любые конкретные деяния всякого человека. Я бы сказал, что в мире деяний личное деяние представляет собой идеальный след вещественного деяния.

- Я добавлю, - вмешался раби Яков, - что в мире деяний на каждого человека заведено дело, куда записываются все его деяния. Допустим, некто совершил грабеж, а другой женился – и то и другое будет записано в их делах.

- Супердеяния, - продолжил Шломо, - это своего рода обобщения личных деяний. Супердеяния являются абстракциями. Например, назовем такие супердеяния, как “геройство”, “трусость”, “филантропия”, “воровство” и так далее.

- Хотелось бы понять таинство рождения супердеяний, - скромно заметил раби Меир-Ицхак.

- Существуют разные пути возникновения супердеяний, - ответил Шломо, - самый очевидный из них – совершение некоего личного деяния впервые. Скажем, Каин первым из людей убил человека, и так появилось супердеяние “убийство”. Другой путь – расщепление. Вот пример. Издревле было известно супердеяние “вероломство”. Однако, ввиду нарастающего шквала личных деяний этого рода, мир деяний самостоятельно произвел внутри себя процедуру расщепления, и супердеяние “вероломство” разделилось на два новых супердеяния – “предательство” и “измена”.

- Не только расщепление, но и слияние супердеяний может иметь место, - воскликнул раби Яков, - вот недавно мне было видение, будто через век-два супердеяние “супружество” поглотило, якобы, супердеяние “мужеложство”, и последнее прекратило свою бытность в качестве супердеяния и сохранилось только как личное деяние!

При этих словах юный Шмулик покраснел, стыдясь собственной осведомленности, а увлеченная рукоделием Голда встрепенулась и уставилась на мужа. “Странные видения посещают старца. Разберись после!” – подумала благочестивая супруга.

- Оставим мерзости будущего ради него самого! - горячо воскликнул раби Меир-Ицхак, - скажи лучше, Шломо, что происходит с делом, заведенным на каждого человека в мире деяний?

- Дела индивидов хранятся в мире деяний вечно. Личные деяния, записанные в делах, нельзя удалять или исправлять – можно только добавлять, - отчеканил Шломо.

- Итак, личные деяния рождаются, - подал голос Шмулик, - а умирают ли они?

- Деяния не умирают! – категорически заявил Шломо, - однако, вопрос рождения деяний до конца не выяснен. Вероятно, идеальные объекты мира деяний бесполо, так как факты размножения деяний половым путем не обнаружены, - заметил Шломо после некоторого колебания.

- Я хочу обратить внимание еще на одну трудность, - продолжил Шломо, - а именно, порой совершаются личные деяния, которые могут быть отнесены к различным супердеяниям. Например, полководец выиграл сражение. Но одержанная им победа – пиррова. К какому супердеянию отнести это личное деяние? “Геройство”? “Глупость”? “Убийство”? Или к какому-нибудь еще? Или сразу к нескольким? С сожалением отмечаю, что классификация скрыта от нас, и мы можем судить о результате лишь по предвзятым людским свидетельствам.

- Предвзятость – это худо. Коли судят петуха, лисе не место в судейском кресле, - добавил раби Меир-Ицхак.

- А я замечу, - сказал раби Яков, - что существуют две особых категории чрезвычайно выдающихся личных деяний, которые не молчат, притаившись в архивах, но всегда и повсюду будоражат память людей. Первая из этих двух категорий, содержащая добрые личные деяния,

называется “святая святых”, а вторая, включающая в себя злые деяния, носит имя “ущелье мрака”.

- Верно! – подхватил Шломо, - к святая святых относятся, например, пьеса “Гамлет” или картина “Мона Лиза”...

Тут раби Яков неодобрительно покосился на вольнодумного ученика и сам закончил за него: “А в ущелье мрака пребывают клевета царедворца Амана или созерцание Хамом наготы отца его.”

- У меня есть добавление, - радостно потирая руки воскликнул раби Меир Ицхак, - случаются личные деяния, которые пребывают одновременно в святая святых и в ущелье мрака. Скажем, месть братьев Дины за поругание сестры! Любой из нас найдет другие подобные примеры.

- Как велика сила толкования! – восхитился Шмулик.

- Один из атрибутов супердеяния, - вновь заговорил Шломо, - это его престиж, определяемый двумя вещами – древностью и распространенностью. Рассмотрим супердеяние “любопытство”. Древность несомненна, ибо первым личным деянием, породившим его, явилось поедание Хавой запретного плода, случившееся в незапамятные времена. Распространенность любопытства тоже трудно преувеличить. Поэтому супердеяние “любопытство” по праву имеет очень высокий престиж. Теперь обратимся к супердеянию “слава художника”. Оно гораздо моложе, ибо умение владеть кистью люди явили много позже любопытства. Да и распространенность этого супердеяния невелика: ведь талантливых людей мало, а бездарных хоть и много, но они вследствие своей практичности быстро оставляют бесплодные притязания на славу. Таким образом, престиж супердеяния “слава художника” оказывается низким. В этой связи я добавлю, что для поправки печального положения, супердеяния “слава поэта” и “слава ученого” пытались объединиться с родственным им супердеянием “слава художника” и образовать новое супердеяние “слава творца”. Из-за явлений междоусобицы, честолюбия, карьеризма, партийности, встречающихся среди объектов мира деяний, это начинание не реализовалось. И слава Богу. Подобные слияния лишь сбивают с толку настоящих творцов.

- А вот еще примеры супердеяний: одалживание, забвение, веселье, плач, прощение, месть, любовь, прелюбодеяние, молитва, богохульство, обогащение, разорение, воспитание, совращение и так далее, - сказал раби Яков.

Деяния и дела

Исчез пар над горшком с супом. Хала засыхала нетронутой. Ложки скучали, в бездействии лежа на столе. Казалось, за разговорами хасиды забыли о желудках. Голда решительно подошла к болтливой ватаге. “Хватит слов, - притворно гневаясь, воскликнула она, - суп-то стынет, а с ним и мудрость ваша! Давайте сюда чашки, сама налью!”

Правота Голды вернула говорунов на землю. Короткое время раздавалось аппетитное чавканье. Когда ложки были чисто облизаны, а чашки до блеска затерты халой, хасиды почувствовали прилив новых сил – можно продолжать путь изысканий и открытий.

- Друзья, - возобновил речь раби Яков, прикрыв рот рукой и на секунду задержив дыхание, дабы подавить произвольный и неуместный звук, готовый вырваться наружу, - напомним, что на каждого человека в мире деяний заведено дело, содержащее неистребимый и вечный перечень его индивидуальных деяний.

- А есть ли у нас право читать и изучать наше дело в мире деяний? – нетерпеливо перебил раби Меир-Ицхак.

- Об этом я и хочу сказать, - ответил раби Яков, - всякий человек имеет открытый доступ к своему делу, изучение которого или пренебрежение оным есть результат его свободного выбора. К этому добавлю, что порой возникают обстоятельства, требующие ознакомления с делом людей посторонних.

- Это понятно! Допустим, чтобы хасиду получить совет цадика, ему необходимо открыть перед раби дело своих деяний! – заметил Шмулик.

- Я хочу подчеркнуть важность слов учителя, - произнес Шломо, - чтение собственного дела есть вопрос личного выбора. Человек может взвешивать свои былые деяния или не вспоминать о них вовсе, следуя правилу: хочешь быть счастливым – не ройся в памяти. Интересующийся порой извлекает мораль, а иной раз в одно ухо влетит, а из другого вылетит. Но мир деяний активен по отношению к человеку. Скажем, супердеяния “честолюбие” или “страх” пытаются воздействовать на индивида в соответствии с природой, обозначенной в их названии.

- После смерти душа человека “с делом в руках” следует в Высший суд, - заметил раби Яков, - на котором неизменно председательствуют старший над раем ангел Михаэль и старший над адом ангел Насаргиэль. Поскольку судьба новоприбывшего решается достаточно быстро, то мы вправе предположить, что мир деяний подает свою рекомендацию в помощь Высшему суду, другим словом, мир деяний “работает”!

- А я прибавлю, - сказал раби Меир-Ицхак, что случаются иной раз пересмотры дела. Как известно, душа Навота обитала в раю вместе с душами цадигов. Но по велению Бога было повторно изучено дело Навота, согрешившего при жизни ложью, и его душа хоть и осталась в раю, но была отдалена от места, приближенного к трону Господа.

Шломо внимательно слушал своих собеседников. Он испытывал неудовлетворенность, ему казалось, что нечто важное упущено. Наконец, он вмешался.

- Восприятие добра и зла меняется со временем. Скажем, геройство прошлых веков нынче расценивается как жестокость. Каждый найдет свой пример. Перемены в суждениях о морали – вот важная причина пересмотра дел мира деяний. И еще одна нить, связывающая мир деяний со временем. Существуют забытые или разрушенные годами и войнами страны и города. Дела живших в них людей хранятся в архиве мира деяний. Дела эти не пропали, хоть и дремлют. Откопают такой город, и приоткроются нам в назидание деяния давно умерших.

- Жизнь мертвых продолжается в мире деяний живых! – подытожил раби Меир-Ицхак.

- Удивительно: мертвые правят живыми! – изрек Шмулик.

- Хорошо, что ты присутствовал при нашей беседе, Шмулик, - сказал раби Яков, - мудрые речи впиваются в молодые души глубже змеиного жала!

Шмулик согласно и благодарно закивал головой. Голда отложила в сторону рукоделие, почувствовав приближение конца разговора. Раздался стук в дверь.

Орава ликующих хасидов ввалилась в дом. Нагромоздили на стол всяческую снедь. Не забыли и солидный штоф водки.

- Осталось после Пурима! – пояснил один из вновь прибывших.
- Осталось? Вот так диво! – всплеснула руками хозяйка.
- Как видно, чему быть, того не миновать, - меланхолично сказал хозяин, - предадимся винопитию и чревоугодию... Пьянство не рождает пороков, оно их обнаруживает...
- Первая чарка поднимает дух, последняя помрочает ум, а те многие или немногие, что меж ними – что творят? – спросила Голда.
- Они вдохновляют хасидов рассказывать и слушать сказки! - воскликнул раби Меир-Ицхак.